

Фотограф и журналист Юрий Александрович Туманов

— Вас трудно было бы нарисовать, — сказал он, скользая вредливым взглядом по моему лицу. — Много мелких черт... Но подбородок и вот тут, — показал пальцами на воображаемый трупольдик «глаза — кончик носа», — тут есть характерное.

— Вы рисуете? — поинтересовалась я.

— Да. Мог бы написать ваш портрет.

Помнится, впервые увидел меня несколько лет назад возле книжного прилавка, он неожиданно произнес требовательным тоном:

— Ну-ка, посмотрите сюда... — и до странности долго разглядывал мои глаза. — Вот это да! — послышалось, наконец. — Я таких глаз никогда не видел.

— В чем дело? — сердито спросила я, ощутив себя чем-то вроде поймавшей бабочки, которую придирчиво изучают с мыслью: отпустить на волю или, засушив, прибавить к коллекции?

А он озадачил меня своим пояснением:

— У вас глаза хамелеона. Все время меняют цвет. Не думал, что такое бывает.

Я решила, что это либо неуместная шутка, либо псевдооригинальный способ завести знакомство. И, конечно же, обиделась. Но Дубна город маленький, и вскоре я узнала, что Юрий Александрович Туманов художник по призванию и профессиональный фотограф. В общем, обижаться на него не следовало.

В Дубне господин Туманов с 1961 года, а поскольку у него завидная зрительная память, то он может часами рассказывать, каким этот городок был прежде, когда по статусу являлся закрытым. Он помнит, как укрепили набережную Волги, ведь эта река, разрезая город пополам, все время старается повернуть вправо. Помнит, каким еще совсем недавно было озеро на Большой Волге: «Там стояло раскидистое дерево, кроной нависающее над озером, с него ребятишки любила прыгать в воду. И что вы думаете? Стилили! А жаль: вид-то какой красивый был!»

В юности Юрий Александрович посетил в художественно-промышленное училище, но учебу вскоре пришлось бросить из-за семейных обстоятельств. Но талант художника в нем не пропал: он рисо-

вал портреты, шаржи, карикатуры. Занимался журналистикой: писал газетные материалы — репортажи с места событий, фельетоны.

В Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований, он и состоялся как журналист, фоторепортер, а главное, как человек, гордящийся своей профессией.

Тем не менее, рассказывать о себе Юрий Александрович не любит.

— Не надо писать обо мне, напишите о нашем институте, — просит он. — Вот где есть уникальные люди! Интересно даже просто послушать, о чем они говорят. Вы думаете, случайно Курчатова сюда направили таких ученых, как Блохинцев, Флеров, Мешеряков? Нет, все это делалось не просто так. Без ОИЯИ наукограда бы не было. Убери из Дубны институт — и все, наукограда не будет. Здесь и сейчас работают выдающиеся люди нашего времени. У них надо учиться. Возьмите, к примеру, Юрия Цолаковича Оганесяна. Он родом из Ростова, ростовский армянин, — вот откуда берется истоки его культуры. Кстати, его жена скрипачка, в Советском Союзе считалась шестой скрипкой. Послушайте ее концерты, особенно музыку Брамса в ее исполнении. Поражительная техника и в то же время лавина чувств! Ради мужа ей пришлось бросить карьеру и приехать сюда, в Дубну. Она и сейчас преподает в музыкальной школе. А сам Оганесян не только ученый-физик, академик РАН, он еще и великодушный художник, мастер, у которого есть свой почерк. Сейчас он, конечно, больше пользуется компьютером, делает компьютерную графику, но его особый почерк и тут хорошо виден. А как он оформляет проекты! Просто загляденье! Умеет красиво преоднести! Эстер! К примеру, посмотрит на какой-нибудь кран на приборе и скажет: «Этот кран нужно убрать куда-нибудь подальше, чтобы не портил вид, но убрать его надо так, чтобы функция не пострадала, остались прежними».

Юрий Александрович коренной ленинградец. Его отец, начальник управления «Связаллес», в сталинские времена был репрессирован и сослан, потом воевал на Ленинградском фронте, вернулся с войной полковником. Мать окончила Смольный институт благородных девиц, завеление закрытого типа для дочерей дворян, в молодости работала машинисткой, всю жизнь прожила в Ленинграде, где и умерла в прошлом году, в возрасте 99 лет.

— Вы не представляете, как это человеку, которому уже самому за семьдесят, позвонить к матери, услышать ее голос, даже, подчас, получить от нее взбучку. А теперь вот и позвонить некому...

Туманов окончил военное речное училище, получив специальность гидротехника подводно-технических работ широкого профиля,

после чего восемь лет провел на Камчатке. Отец посоветовал: лучше уехать подальше от Ленинграда, перспективы будут более широкие. Во время одной из своих поездок из Москвы во Владивосток Юрий Александрович и встретил в купе вагона свою будущую жену, с которой они вместе уже 55 лет. Эта встреча изменила всю его жизнь, стала судьбоносной, поскольку жена Туманова оказалась родом с Большой Волги. Впоследствии они перебрались в Дубну: она через пять лет после свадьбы, а он годом позже, по истечении срока договора, заключенного с государством.

— Я человек настроенный, — признается он. — Офицерскую форму принципиально не носил, а носил матросскую формушку, она мне нравилась. Тельняшку ношу до сих пор, потому что я символист.

— А кем вы работали на Камчатке?

— В газете «Камчатский комсомолец» репортером. И прорабом на стройке, — морщинки на его щеках приходят в движение, подгоняемые улыбкой, и лицо мгновенно молодеет.

— Кого вы фотографировали, работая неплатным корреспондентом ТАСС?

— Да кого только не снимал! Гагарина, Титова, всех не перечислить. Это не так интересно, поскольку не было контактов с теми людьми. Тогда фотографоника. Все негативы я потом выбросил, не стал их хранить. Другое дело в Дубне. Например, снимал электросварщиков, которые варят металлы в активной зоне. Таких специалистов всего пять на всю Россию, причем двое из них живут в Москве.

В Дубне Туманов не просто кого-то снимал на пленку, а готовил полноценный материал: статью или заметку, подкрепленную фотографиями. Снимки размером восемьдесят сантиметром на метр Юрий Александрович до сих пор печатает только сам: лучше него никто не может.

А учился этому он в лаборатории ТАСС в Москве, ходил туда по вечерам и смотрел, как трудятся профессионалы. Потом у него самого уже были ученики. Одного из них Юрий Александрович заставил окончить институт кинематографии, потому что такие «корочки» давали большие возможности.

Сейчас у Юрия Александровича Туманова свой цех на территории ОИЯИ, да не маленький: 400 квадратных метров; свой фотоцентр, архив, фотокомпьютерный центр.

— У меня связь со всем миром, — не скрывает он.

Но если раньше Туманов пользовался массивными камерами, то сейчас при нем компактный фотоаппарат, который подарил ему друг-

инженер, в прежние годы руководивший международным отделом в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН).

— А были ли у вас какие-то проблемы после публикации фельетонов?

— Конечно! — кивает он. — Исключали из комсомола, из партии. И первое, что я сделал, когда меня исключили из партии, так это забрал свою учетную карточку и партибилет. — И, после паузы, добавил, рубанув утверждающе ладонью: — Тем не менее, могу сказать, что в люди меня вывел именно комсомол. И то, что сейчас такой организации нет, наносит большой урон воспитанию молодежи. Это удар по нашему будущему.

Сын Туманова по специальности радио-электронщик, и Юрий Александрович доволен его выбором, поскольку не хотел, чтобы тот стал журналистом.

— Вот о ком вам надо писать, так это о Юре Недачине и его фирме «Аспект», которая своими доходами поддерживает город. — Продолжает Туманов направлять нашу беседу в нужное русло. — А выпускает она детекторы — приборы, которые обнаруживают радиоактивность. Они оказались столь эффективными и нужными стране, что их тут же взяли на вооружение разные структуры.

О фирме «Аспект» я уже была слышана. Еще в горбачевские времена в Дубне был организован кооператив «Аспект», и первым его председателем стал доктор физико-математических наук Борис Алексеевич Аликов. Этот кооператив и начал выпускать детекторы, которые после Чернобыльской беды оказались очень востребованным товаром. Впоследствии, когда производство детекторов нужно было ставить на поток, кооператив преобразовался в Научно-производственный центр «Аспект», и долгие годы его возглавлял Юрий Константинович Недачин, к сожалению, недавно ушедший из жизни. Господин Недачин много сделал для того, чтобы отладить механизм производства новой продукции и организовать ее поставки не только по регионам России, но и за рубеж. Компания «Аспект» считается самой рентабельной в Дубне. Это признанный лидер в области разработки и производства приборов высокого технического уровня — радиометрической, дозиметрической и спектрометрической аппаратуры.

Юрий Александрович Туманов присутствовал во время контрольного испытания детектора. Это было в одном из московских аэропортов. Они с помощником уже отсняли нужный материал и собирались уезжать, как вдруг услышали тревожный сигнал: прибор надрылся, явно обнаружив радиационную опасность. Побежали с камерой на этот звук, чтобы отснять интересные кадры. Перед ними открылась

такая картина: служащий охраны проверяет счетчиком множество расставленных вещей, ищет, где «фонит». А рядом стоит хозяйин этих вещей — бледный, испуганный. Контролер подходит к одному предмету, к другому. Сигнал нарастает. Наконец, выявляется источник радиации: зонтик! Обычный непромокаемый зонт, спасающий от дождя, оказался зараженным. Раскрыли его. Счетчик показал, что уровень радиации колеблется, в каких-то местах ткани он выше, в других ниже.

— Этот зонт из Вьетнама... — бормочет парень.

Де он подхватил радиацию, трудно сказать. Может, с каким-нибудь радиоактивным дождем, а может, как-то иначе. Во всяком случае, зонт этот товарищ с собой уже не забрал, оставил в аэропорту.

— Вот такие молодцы наши физики! — заключает Туманов. — Еще академик Патрушев говорил: «Оборона страны это есть наука».

— А были ли у вас персональные выставки, Юрий Александрович? — Были. В Германии, во Франции, в Чехословакии. Выставлялись портреты ученых. А в России — только на Первом съезде журналистов СССР были представлены мои работы, их вывешивала на стенах моя ученица.

На одной из таких зарубежных выставок вдова Адамса, бывший директор ЦЕРН, вдруг увидела портрет своего мужа. Портрет ей так понравился, что она захотела его купить. Юрий Александрович попросил Николааса Кильберта, помощника генерального директора ЦЕРН, объяснить настоячивой даме, что выставленные работы не продаются. Женщина была так расстроена, что Туманов не выдержал. «Вы хотите получить портрет своего мужа? Пожалуйста», — снял со стены фотографию и отдал ей. Портрет был размером пятьдесят на шестьдесят сантиметров.

Стоит ли говорить, как признательна была мадам Адамс Юрию Александровичу за этот благодарный жест! А через год она прислала Туманову ответный подарок — альбом «Мировая фотография» и книгу о своем муже. К послытке прилагалось письмо на английском языке, он его потом перевел со словарем и прикрепил к подаренной книге.

Впервые за границу, в Женеву, Туманов поехал в 1964 году. Потом побывал во многих странах мира.

Перед поездкой в Швейцарию он учил английский язык у Давида Натановича Белла, учителя средней школы № 8 города Дубны.

— Удивительный человек! — восклицает Юрий Александрович. — Умный, талантливыи. У него многие известные люди учились. Кстати, связь Дубны с городом Ла-Кроссом — это его задумка, идея культуры-

ных связей между городами-побратимами Дубной и Ла-Кроссом принадлежит ему. Он и претворил ее в жизнь.

И вновь возвращается к своей мысли, запыленной в самом начале разговора:

— Надо писать о парриотах института. Ведь никто не пишет о ребятах, которые идут к реактору и выполняют то, что может для них оказаться смертельным. Вообще у мужчин должна быть тэта к риску: вот рискованно это, а хочется сделать! Кстати, это чувство необходимо мужчине уже хотя бы потому, что любая женщина это похуже, чем реактор.

Юрий Александрович неоднократно лично делал снимки работ, которые производились с реактором. В обычном белом халате, без дополнительных мер предосторожности. Он шел к реактору с фотоаппаратом, как шли, не обращая внимания на пули, фронтные корреспонденты, чтобы отснять нужные кадры военной хроники. «Ради нескольких строчек в газете» репортеры подчас идут на подвиги...

В «гости» к реактору Туманов шел, увешанный умными датчиками. После одной из таких съемок неожиданно выяснилось, что на левом предплечье у Юрия Александровича осталась «черная метка» — счетчик показывал радиационный фон. Вспомнил случайный эпизод, когда рабочий нечаянно задел его локтем. Вот и результат! Радиация проникла мгновенно сквозь всю одежду, добралась до кожи.

Одежду тут же разрезали сади, включая и тельняшку, собрали аккуратно в комок и сбросили зараженные тряпки в мотыльник. Проверили, конечно, и камеру — оказалось, тоже «подхватила» радиацию. Пришлось Туманову часа четыре отмывать ее спиртом. А куда денешься? Надо специальный фартук, резиновые перчатки и прилагся за работу. Протрет камеру марлей со спиртом, бросит отработанный материал в мотыльник. Берет другой тампон и снова чистит. И так бесконечное число раз. Через какое-то время появился контролер со счетчиком. Посмотрит на экран прибора, качает головой: «Фонит, зараза! Чисть еще!» И снова приходится оттирать спиртом камеру, уничтожать опасные следы. Вот такие нюансы работы.

— Это что, — качает головой Туманов. Волосы у него еще густые, жесткие, но уже сплосхь селье. — Видели бы вы, как приходится порой работатьм возиться с реактором! И они делают это, хотя каждый из них знает, какие могут быть последствия... Вот о ком надо писать, а не обо мне!

Все, что касается ОИЯИ, для него свято. В лабораторию теоретической физики, на его взгляд, надо входить если не с душевным трепетом, то, по крайней мере, с почтением, ведь здесь побывали ученые

со всего мира, здесь рождались и рождаются величайшие мысли! Вот, к примеру, ступля, на которых эти выдающиеся люди сидели. Юрию Александровичу странно видеть, что такие вещи никто не бережет, даже не считает нужным это делать, тогда как на самом деле, и он в этом убежден, их надо считать музейными экспонатами.

Юрий Александрович подарил мне фотоальбом «Дубна научная гласами Юрия Туманова», изданный к пятидесятилетию города в 2006 году. Открывает альбом высказывание Антона Павловича Чехова: «Национальной науки нет, как нет национальной табилицы умножения».

А дальше идет галерея черно-белых фотографий. Они рассортированы по годам, начиная с 1956 года, когда в Дубне, в ста двадцати километрах от Москвы, стал создаваться Объединенный институт ядерных исследований. Вот первый директор института Дмитрий Иванович Блохинцев держит речь перед аудиторией. По правую руку от него, за столом президентума, — вице-директор М. Даныш (Польша), по левую — господин В. Вотруба (Чехословакия). Вот члены ученого совета ОИЯИ — представители Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии, КНДР, Албании. Далее, на разных фотографиях — ученые из ГДР, Китая, Кубы, Франции.

А вот и отцы-основатели, выдающиеся физики советской эпохи: Д. И. Блохинцев, Г. Н. Флеров, Н. Н. Боголюбов, Б. М. Понтекоров, И. М. Франк, В. И. Векслер, М. Г. Мещеряков, В. П. Джелетов. В то время они еще в расцвете творческих сил; где осторожно, а где и рывками двигают науку вперед, рождают идеи, генерируют мысли. И, конечно, не зная, что пройдет ряд лет, и их именами назовут лучшие умы Дубны.

Делегация американцев в лаборатории ядерных проблем. Синхроциклотрон. Синхрофазотрон. Новейшие здания, построенные для этих установок. Ускоритель СИЛУНД. Реактор... Глядя на технические шедевры ушедшей эпохи, невольно ловишь себя на мысли: не зря в Советском Союзе люди гордились причастностью к науке, своими научными открытиями, званиями и должностями. Государство ценит их труд.

А вот и привычные глазу объекты: Иваньковская ГЭС, с шумом и брызгами выбрасывающая воду; станция космической связи — антенны, похожие на развернутые купола. Снимок в Кремле, когда вручались ленинские премии 1988 года корифеям советской науки. Среди сидящих в зале ученых в первом ряду — Боголюбов.

Свидетельство сотрудничества специалистов из Дубны с Европейской организацией ЦЕРН: адронный калориметр установки DELPHI — по обе стороны снимка запечатлены огромнейшие «колеса», их еще можно сравнить с летательными тарелками, зависшими перпендикулярно к Земле.

И снова плошадка ОИЯИ. За длинным столом слева — члены приемной комиссии, напротив них растянулся на добрую треть помещенный коллектив научных сотрудников. Корреспонденты с кино- и фотокамерами торопятся запечатлеть происходящее. На этот раз празднуется запуск ускорителя тяжелых ионов У-400. Еще одна победа советских физиков.

Но Дубна — это не только ОИЯИ, это город, отвоевавший солидную часть хвойного леса, освещенного бережками и рибинами, и прочно утвердившийся на обоих берегах Волги. Благодаря архиву фотографий разных лет, помещенных в альбоме, я вижу живую историю города: первые улочки с двухэтажными кирпичными домами, шедеврами последованных лет; коттеджи в европейском стиле в окружении стражников-сосен; железнодорожный вокзал и пристань «Большая Волга»; воздушную ротонду в сквере, разбитом на побережье.

В противовес этой истории — очередная встреча сотрудников ОИЯИ с президентом АН СССР Г. И. Марчуком. Важное событие дает свои плоды, и вскоре в объектив фотокамеры попадают такие детали науки, как нуклотрон, микротрон... А на подходе уже новые проекты и разработки.

Неожиданная вещь — Дубна с высоты птичьего полета. И я вспоминаю: Туманов рассказывал, что прыгал с парашютом — впечатления, конечно, незабываемые. Понятно, почему у него возникло желание показать вид города глазами парашюта в небе человека.

На одной из страниц попадаете редкостный снимок — фотывставка в Женеве. Она проходила во Дворце наций Европейского филиала ООН и называлась «Атом — миру. 40 лет Объединенному институту ядерных исследований в Дубне».

И, словно репродукция чьей-то картины, — Черенковское свечение. Яркое пятно в центре, с расплывшимся ореолом, похожее на солнце, а вокруг него — черное обрамление, вписанное в белое свечение эллипса, а далее размытое чередование темных и светлых колец, разных по толщине, неоднородных по цвету... Одно насаивается на другое... Красивейшая вещь! Куда до нее «Черному квадрату» Малевича!

Это свечение, вызываемое в прозрачной среде заряженными частицами, было открыто в 1934 году Павлом Черенковым в лаборатории С. И. Вавилова. Интересное явление нашло применение в физике высших энергий. Были созданы приборы, которые позволяют по излучению Вавилова-Черенкова определять характеристики движущейся частицы: ее заряд, скорость, направление движения и даже полную энергию, которой она обладает. С помощью этих приборов контроли-

ругую работу ядерных реакторов. И еще любопытный факт. До открытия этого явления считалось, что на дне океана нет света, абсолютная темнота. Теперь ученым известно, что океаническая вода даже на большой глубине светится из-за эффекта Вавилова-Черенкова.

Я продолжала перелистывать страницы, внимательно рассматривая незнакомые лица. Порой мне кажется, что кого-то из этих людей я видела, то ли по телевидению, то ли в экспрессе «Дубна — Москва», ведь многим из них часто приходится ездить в командировки: и в Москву, и в ЦЕРН.

Передо мной очередная групповая фотография: встреча сотрудников ЮНЕСКО и ученых ОИИИ. Надо отпать должное: у господина Туманова хороший глазомер, к тому же, он умеет удачно выбрать точку, из которой надо снимать. Фотографии безупречны по композиции, они содержателны и четко отражат тот процесс, который происходит на момент съемки. Юрий Александрович и техническое оборудование — будь это ускорительный комплекс пучков радиоактивных ионов или какой-то другой интересный объект — умудряется снять так, что эти махины не загромождают пространство фотографии, а превращают снимок в очередной исполнительский шедевр.

Туманов мастер коллективных снимков. На них никогда нет хаоса, нетпродуманных движений. Каждый из отснятых им людей претолднесен трамотно и красиво. А проектов было много: ИРЕН, накопитель позитронов низкой энергии ЛЕРТА, установка для получения сверхчистой воды, эксперименты по синтезу тяжелых элементов. И за каждым достижением — люди, огромнейший труд создателей, исполнителей, эксплуатационников. Все это врезается в память, более того: возникает эффект присутствия во время событий, запечатленных на фотографиях.

И когда смотришь, как открывались памятники ученым, вписавшим свое имя в историю ОИИИ и Дубны, то кажется, будто слышишь голос людей, выступающих с речью, различаешь слова. Видишь, как сдерживается чехол с памятника, как кладутся к подножию цветы.

И постепенно, постигая этот мир фотографий, понимаешь, какая важная работа проделана одним человеком — фотомастером, который трудится до сих пор, проделывая создавать уникальнейшую вещь — фоторихнику развития науки в Дубне, скрупулезно фиксируя каждую деталь, отслеживая и сохраняя для истории неопленимый материал об ученых института и о самой Дубне. Не пропущено ни одно более или менее важное событие!

— Каждый человек от рождения в той или иной мере художник, — делится своими наблюдениями Юрий Александрович. — И каждый из

нас по-своему воплощает свои замыслы. Задача фотографа — угадать этот замысел. Я всегда предлагало тому, кого хочу сфотографировать: давай сначала я сфотографирую так, как хочешь ты, а потом сниму так, как хочу я. Сравним и выберем, что лучше. Но я никогда не фотографирую человека, если он этого не хочет. И на опасную работу к реактору я тоже никогда не возьму с собой помощника, который колеблется. Вообще надо уметь слушать себя, свой внутренний голос. Чаще всего люди его не слышат.

Юрий Александрович всегда в движении. День у него расписан по часам, а порой и по минутам. И при всей своей загруженности делами, он успевает замечать такие вещи, мимо которых многие пройдут, не задумываясь. А его может ранить вид срубленных камчатских березок, которые некогда замечательно вписывались в картинку городского пейзажа. Он чуток к красоте живой природы, потому что он смотрит на мир глазами художника.

«Владеть в совершенстве выбранной профессией, быть полезным для общества» — вот его девиз и напутствие другим людям. Сам он неуконительно следует этому всю жизнь.

— Я кусок ОИИИ, принадлежаший ему, — немного задумавшись, делает неожиданное сравнение Туманов. — И только смерть этот кусок отрешет.

